

ТЯХОТВО

УЩКИНА

Rar.

4423

BIBLIOTHÈQUE

DU

PRINCE E. LWOFF.

um. 18

Ray. 6

Nº 17

БИБЛІОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО унверситета
Св. Владиміра.

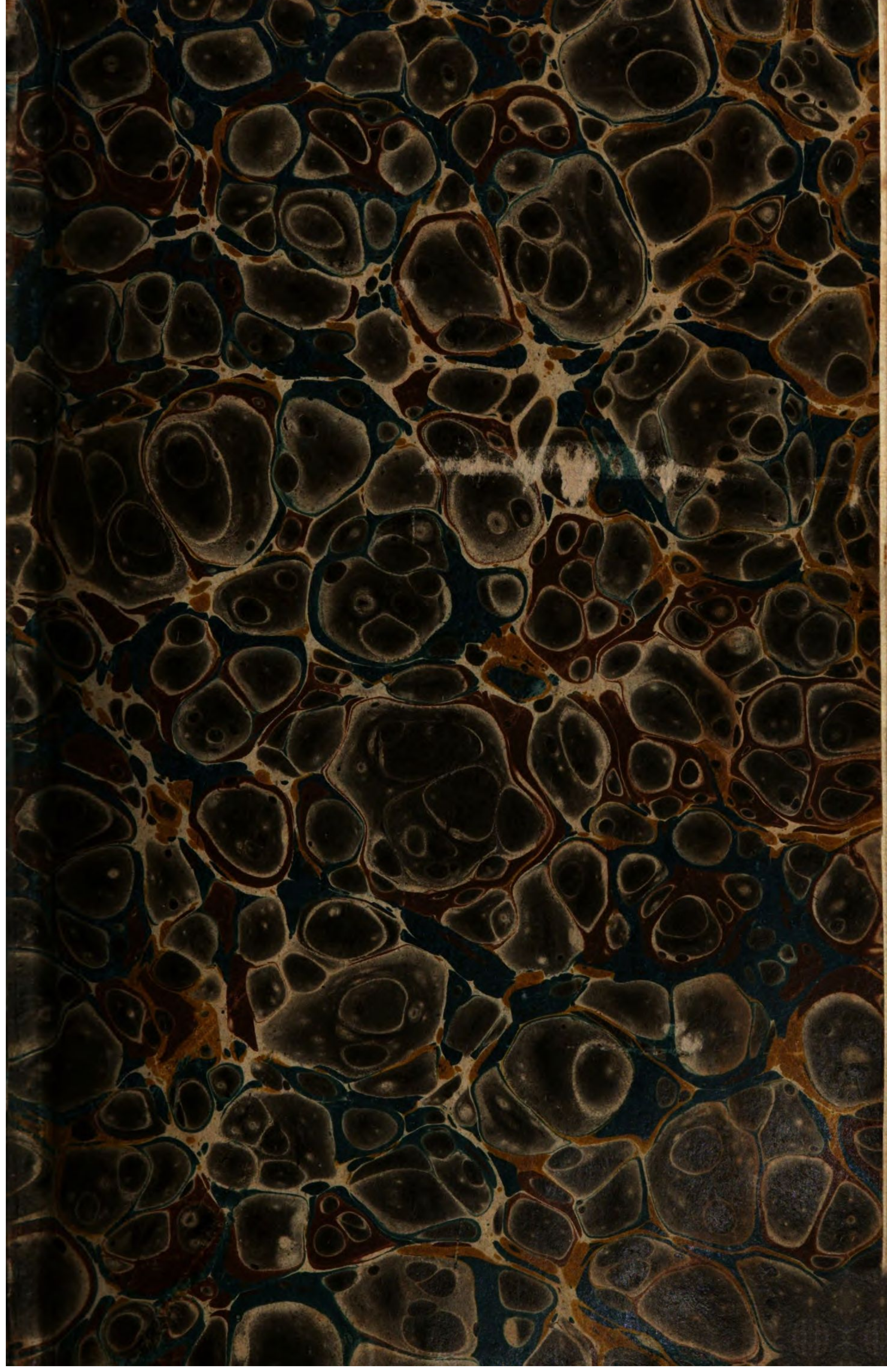
БИБЛІОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА
Дмитрія Гавриловича

БИБИКОВА,

пожертвованная Университету
его дочерью,

ГРАФИНЕЮ КАССИНИ
въ 1898 г.

№ 1481

Rev. 4423

СТАНОВИШЕ КОМИТЕТА

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

78183 / 98201

СТІХОТВОРЕННЯ ВЪ ПІСНІ

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Aetas prima canat veneres, extrema tumultus.

PROPERTIUS. II. 8.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санкт-петербургъ, 8 Октября 1825 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опъ Издашелей..... xi

ЭЛЕГІИ.

I.	Пробужденіе. 1816.....	3
II.	Мечташелоу. 1818.....	5
III.	(Увы, зачѣмъ она блистаетъ). 1819.....	7
IV.	(Мой другъ, забыты мной слѣды). 1821.....	8
V.	Друзьямъ. 1816.....	9
VI.	Выздоровленіе. 1818.....	10
VII.	Война. 1821.....	12
VIII.	(Я пережилъ мои желанья). 1821.....	14
IX.	(Умолкну скоро я). 1821.....	15
X.	Гробъ юноши. 1821.....	16
XI.	(Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты) 1823..	19
XII.	(Ты вянешь и молчишь). <i>Подражаніе Ан. Шенье. 1824.....</i>	21
XIII.	(Погасло дневное свѣтило). <i>Подражаніе Байрону. 1820.....</i>	22
XIV.	Сожженное письмо. 1825.....	24
XV.	(Ненаспный день пошухъ). <i>Отрывокъ. 1823 ..</i>	25
XVI.	Желаніе славы. 1825.....	27
XVII.	Андрей Шенье. 1825.....	29

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.	Къ Овидію. 1821.....	39
II.	Русалка. <i>Баллада</i> . 1819.....	44
III.	Гробъ Анакреона. 1815.....	48
IV.	Черная шаль. <i>Молдавская пѣсня</i> . 1820.....	50
V.	Торжествъ Вакха. 1817.....	53
VI.	Фоншану Бахчисарайскаго дворца. 1820.....	57
VII.	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. 1822.....	59
VIII.	Пѣвецъ. 1816.....	65
IX.	Амуръ и Гименей. <i>Сказка</i> . 1816.....	66
X.	Разлука. 1817.....	69
XI.	Адели. 1822.....	70
XII.	Виноградъ. 1820.....	71
XIII.	Спансы Т — му. 1819.....	72
XIV.	Уединеніе. 1819.....	74
XV.	Прозерпина. 1824.....	76
XVI.	Домовому. 1819.....	78
XVII.	Вакхическая пѣсня. 1825.....	79
XVIII.	Въ альбомъ. 1825.....	80
XIX.	Друзьямъ. 1822.....	81
XX.	Къ морю. 1824.....	83
XXI.	Демонъ. 1823.....	87
XXII.	Подражаніе Турецкой пѣснѣ. 1820.....	89

XXIII.	Тѣлега жизни. 1823.....	90
XXIV.	Наполеонъ. 1821.....	91

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.	Пріятелямъ	99
II.	(Охотникъ до журнальной драки).....	100
III.	(У Кларисы денегъ мало).....	101
IV.	Добрый человекъ.....	102
V.	Ex ungve leonem.....	103
VI.	Исторія стихотворца.....	104
VII.	Уединеніе.....	105
VIII.	Лилѣ.....	106
IX.	Роза	107
X.	Имянины.....	108
XI.	Къ портрету Жуковского.....	109
XII.	Надпись къ портрету * * *.....	110
XIII.	К. А. Б.....	111
XIV.	Старикъ. Изъ Марота.....	112
XV.	Веселый пиръ	113
XVI.	(Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный)....	114
XVII.	Иностранкѣ	115
XVIII.	(Какъ брань тебѣ не надоѣла).....	116
XIX.	Къ * * *	117
XX.	Пріятелю	118
XXI.	Птичка.....	119

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.	Муза. 1821.....	123
II.	Доридъ. 1820.....	124
III.	(Рѣдѣшь облаковъ лешучая гряда). 1820....	125
IV.	Юноша. Сафо. 1825.....	126
V.	Нереида. 1820	127
VI.	Діонея. 1821	128
VII.	Дорида. 1820	129
VIII.	Дѣва. 1821.....	130
IX.	Ночь. 1823	131
X.	Примѣты. 1821.....	132
XI.	Земля и море. Идиллія Мосха. 1821.....	133
XII.	Красавица передъ зеркаломъ. 1821.....	134

ПОСЛАНИЯ.

I.	Лицинію. Сб латинскаго. 1815.....	137
II.	В * * * му. 1819	141
III.	П * * * ну. Отрывокъ. 1817.....	145
IV.	Ш * * * ву. 1816.....	147
V.	Дельвигу. 1817	149
VI.	Кривцову. 1819.....	151
VII.	Алексѣеву. 1821.....	153
VIII.	К * * * ну. 1821.....	155

IX.	Козлову. <i>По полу́ченіи отъ него Чернеца.</i>	
	1825.....	156
X.	Прелестницѣ. 1818.....	158
XI.	N. N. 1819.....	160
XII.	Ч***ву. <i>Съ морскаго берега Тавриды.</i> 1820...	162
XIII.	Гречанкѣ. 1822.....	164
XIV.	Дочери Карагеоргія. 1820.....	166
XV.	Жуковскому. <i>На изданіе книжекъ его: Для</i>	
	<i>немногихъ.</i> 1818	167
XVI.	Ч***ву. 1821.....	169

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

I.	(Клянусь чешой и нечешой) 1824.....	175
II.	(О жены чистыя пророка). 1824.....	177
III.	(Смушаясь, нахмурился пророкъ). 1824.....	179
IV.	(Съ Тобою древлѣ, о Всесильный). 1824...	181
V.	(Земля недвижна). 1824	182
VI.	(Недаромъ вы приснились мнѣ). 1824.....	183
VII.	(Возстань, боязливый). 1824.....	185
VIII.	(Торгуя совѣсью предъ блѣдной нищепою).	
	1824.....	186
IX.	(И пушникъ успалый на Бога ропшалъ).	
	1824.....	187
Примѣчанія.....		190

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно называемыхъ поэмъ.

Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся словесностію, сравнить четырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое дѣсятилѣтіе авторской жизни.

Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ это

первое въ нѣкоторомъ порядкѣ собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго всѣ читаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и предъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки. Для предварительной поправки выписываемъ замѣчанныя нами.

Напечатано :

Надобно поправишь:

Стран. Сшрок.

54.	11.	ноги	роги
60.	7.	Волхвы	« Волхвы
79.	9.	Подвинемъ	Подыmemъ
149.	2.	забошъ	забошъ и бѣдъ

ЭЛЕГИИ.

BY THE

Э Л Е Г І И.

I.

П Р О Б У Ж Д Е Н І Е.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость!
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во шмѣ глубокой
Я пробуждѣнь.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улещѣли
Толпою прочь
Любви мечшанья.

Еще полна
Душа желанья
И ловишь сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поупру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный!

II.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ спраси горестной находишь наслажденье;

Тебѣ пріятно слезы лишь,

Напраснымъ пламенемъ помилъ воображенье

И въ сердцѣ тихое уныніе шайшь:

Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!

О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искашеть,

Поспигло страшное безуміе любви;

Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ швоей крови;

Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи

На ложѣ, медленно терзаемый шоской,

Ты звалъ обманчивый покой,

Вошще смыкая скорбны очи,

Покровы жаркіе рыдая обнималъ

И сохнуль въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:

Повѣрь, тогда бъ ты не пишаль

Неблагодарнаго мечтанья.

Нѣтъ, нѣтъ! Въ слезахъ упавъ къ ногамъ

Своей любовницы надменной,

Дрожащій, блѣдный, испугленной,

Тогда бъ воскликнуль ты къ богамъ:

Опдайше, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возмише опъ меня сей образъ роковой!

Довольно я любилъ: опдайше мнѣ покой!

Но мрачная любовь и образъ незабвенный

Оспались вѣчно бы съ тобой.

III.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минушной, нѣжной красошой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянешь! Жизнью молодою
Недолго наслаждашься ей;
Недолго радовать собою
Щастливый кругъ семьи своей;
Безпечной, милой оспрошою
Бесѣды наши оживляшь,
И тихой, ясною душою
Спрадальца душу улаждашь!
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаешься рѣчей веселыхъ
И наглядѣшься на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей:
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

IV.

Мой другъ! Забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
И младости моей мятежное печенье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслаждение,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ!
Пускай я радости вкушаю невольнѣ!
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Безпечно вѣрь ему, лешчій мигъ лови!
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострасья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
Къ чему тебѣ внимашь безумства и спрасшей
Незанимательную повѣсть?
Она твоей тихій умъ невольно возмутишь;
Ты слезы будешь лишь, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улешишь,
И ты моей любви, быть можешь, ужаснешься.
Быть можешь, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишишься я боюсь послѣднихъ наслажденій:
Не требуй опъ меня опасныхъ опкровеній!
Сегодня я люблю, сегодня щасливъ я!

V.

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны

Злашые дни, злашья ночи,

И помныхъ дѣвъ усшремлены

На васъ внимашельныя очи.

Играйте, пойше, о друзья!

Ушрашьте вечеръ скорощечной:

И вашей радости безпечной

Сквозь слезы улыбнуса я.

VI.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смущное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минуны мрачныя болѣзни роковой
 Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣлъ я тебя! Мой тусклый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой рашной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
 Но вновь въ умъ моемъ спѣсенились мрачны грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
 Безсмертные! Съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огонь по сердцу пробѣжалъ!
 Я закипѣлъ, задрепеталъ:
 И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокій другъ! Меня помишь ты упоеньемъ:
 Приди, меня мерсвишь любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
 Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
 Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
 И плащъ, и поясъ боевой,
 И бранной обувью украшенные ноги . . .
 Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой,
 Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
 Мнѣ снова низ послали боги,
 А съ нимъ и сладкія тревоги
 Любви таинственной и шалости молодой.

VII.

В О Й Н А.

Война! . . . Подьяшы наконецъ ,
 Шумяшъ знамена бранной чести !
 Увижу кровь, увижу праздникъ меспи ;
 Засвищешъ вокругъ меня губительный свинецъ.

И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей!
 Спремленье бурныхъ ополченій
 Тревоги сшана , звукъ мечей
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье рашныхъ и вождей!
 Предметы гордыхъ пѣснопѣній
 Разбудяшъ мой уснувшій геній.

Все ново будешъ мнѣ : просшая сѣнь шашра ,
 Огни враговъ , ихъ чуждое взыванье,
 Вечерній барабанъ , громъ пушки , визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье.

Родишся ль ты во мнѣ , слѣлая славы спрасшъ ,
 Ты , жажда гибели , свирѣпый жаръ героевъ?
 Вънокъ ли мнѣ двойной достанешся на часшъ ,
 Кончину ль темную судиль мнѣ жребій боевъ ,

И все умреть со мной : надежды юныхъ дней ,
 Священный сердца жаръ , къ высокому стремленье ,
 Воспоминаніе и брата и друзей ,
 И мыслей творческихъ напрасное волненье ,
 И пы , и пы , любовь ? . . . Уже ль ни бранный шумъ ,
 Ни ратные труды , ни ропотъ гордой славы ,
 Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ ?

Я шаю , жертва злой осправы :

Покой бѣжитъ меня ; нѣтъ власти надъ собой ,
 И тягостная лѣнь душою овладѣла . . .

Что жъ медлитъ ужась боевой ?

Что жъ битва первая еще не закипѣла ? . . .

VIII.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечшы;
Остались мнѣ одни сшаданья,
Плоды сердечной пустошы.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣщущій мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ!

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свисъ,
Одинъ на вѣпкѣ обнаженной
Трепещешь запоздалый лисъ.

IX.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила спраспной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ,
Завѣшнымъ именемъ любовницы прекрасной!
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ;
Надъ урною моей промолви съ умилениемъ:
Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ!

X.

Г Р О Б Ъ Ю Н О Ш И.

.....Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ нѣжной;
 Кругомъ него глубокій сонъ
 И хладъ могилы безмяшежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ тѣни деревь
 Онъ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его припѣвъ.

Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 И мы любили хороводы,
 Блиспали также въ насъ умы;
 Но погоди, приспѣюшь годы,
 И будешь то, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра госпъ игривый,

Тебѣ постынешь бѣлый свѣтъ;
 Теперь играй! » . . . Но старцы живы,
 А онъ увяль во цвѣтъ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Другихъ ужъ полюбишь успѣвъ;
 Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
 Одна, бышь можешь, слезы льешь,
 И память радостей почившихъ
 Привычной думою зовешь . . .
 Къ чему?

Надъ ясными водами

Гробницы мирною семьей
 Подъ наклоненными крестами
 Таясь въ роцѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумитъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежитъ.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,

И вокруг безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ ;
Напрасно ушромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идешъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаешъ :
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

XI.

Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугашь мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
 И всѣхъ даришь надеждою пуспой
 Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
 Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной
 Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадой одинокой!
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать: съ боязнью и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной.
 Заводишь ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты; веселый швой укоръ
 Меня мертвить, любви не выражая.

Скажи еще : соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заспавъ меня съ побой,
 Зачѣмъ тебя привѣществуешь лукаво?...
 Чпо жь онъ тебѣ? Скажи , какое право
 Имѣешь онъ блѣднѣть и ревновать?...
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
 Безъ матери , одна , полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?...
 Но я любимъ!... Наединѣ со мною
 Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои;
 Но я любимъ , тебя я понимаю.
 Мой милый другъ , не мучь меня , молю!
 Не знаешь ты , какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты , какъ шажко я спрадаю!

XII.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно швоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Груспишь. О, я знаю въ дѣвической печали!
Давно глаза мои въ душѣ швоей чишали.
Любви не ушайшь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуешь васъ.
Щасшливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными? ... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродишь
Вкругъ дома швоего и взоръ къ окну возводишь?
Ты вшайнѣ ждешь его. Идешь, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникъ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными лешая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не власшвуетъ конемъ по прихоши своей!

XIII.

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ шуманъ.
Шуми, шуми, послушное въприло!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ опдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и шоской шуда спремлюся я,
Воспоминаямъ упоенный...
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипишь и замираешь;
Мечта знакомая вокругъ меня лепашь;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣшь безумную любовь,
И все, чѣмъ я спрадалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ шомишельный обманъ...
Шуми, шуми, послушное въприло!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Леша, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоши обманчивыхъ морей,
Но шолько не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,

Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгарались,
 Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ оцвѣла
 Моя пошерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное спраданию предала!
 Искатель новыхъ впечатлѣній,
 Я васъ бѣжалъ, опечески края!
 Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
 Минушной младости минушныя друзья!
 И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младая,
 Подруги тайныя моею весною злая,
 И вы забыты мной!... Но прежнихъ сердца ранъ,
 Глубокихъ ранъ любви, ничто не излѣчило...
 Шуми, шуми, послушное въприло!
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

XIV.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я! Какъ долго не хошѣла
Рука предашь огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталь: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлеть.
Ужъ пламя жадное листы швои пріемлеть...
Минушу... вспыхнули... пылають... легкій дымъ
Віясъ шеряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго ушраша впечатлѣнье,
Разшопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнье,
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣшныя черпы
Бѣлѣють... Грудь моя спѣснилась. Пепель милой,
Ошрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Осшанься вѣкъ со мной на горестной груди!

XV.

Ненастный день попухъ; ненастной ночи мгла
 По небу сшелется одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣніе за рощею сосновой
 Луна туманная взошла...

Все мрачную тоску на душу мнѣ наводишь.
 Далеко, шамъ, луна въ сіяніи возводишь;
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
 Тамъ море движется роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...

Вошь время! По горѣ теперь идетъ она
 Къ брегамъ, попопленнымъ шумящими волнами;
 Тамъ, подъ завѣшными скалами,
 Теперь она сидишь печальна и одна...
 Одна....никто предъ ней не плачешь, не тоскуешь;
 Никто ея колѣнь въ забвеніи не цѣлуешь!
 Одна.. ничьимъ усшамъ она не предаешь
 Ни плечъ, ни влажныхъ усшъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ!

.

Никто ея любви небесной не достоинъ!

Не правда ль: ты одна...ты плачешь... я спокоенъ;

.

Но если

XVI.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой коленнопреклонный,
 Я на тебя глядѣль и думаль: ты моя;
 Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я!
 Ты знаешь: удалень ошъ вѣпреннаго свѣша,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Усшавъ ошъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальному упрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня молвы превожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ шомипельные взоры
 И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
 Шепшала ты: скажи, ты любишь, ты щасливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я сшѣснейное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Чшо нѣшъ грядущаго, чшо грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И чшоже? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Чшо я, гдѣ я? Сшою,

Какъ пупникъ, молніей постигнутый въ пущынь,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ шы мною
Окружена была, чшобъ громкою молвою
Все, все вокругъ себя звучало обо мнѣ,
Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ пишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

XVII.

А Н Д Р Е Й Ш Е Н Ъ Е.

(Посвящено Н. Н. Раевскому.)

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveilloit....

Межъ тѣмъ , какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираешь ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ ,

Зовешь меня другая тѣнь ,
Давно безъ пѣсень , безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни спраданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви , дубравъ и мира ,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучишь незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлешь онъ и ты.

Подьялась вновь усталая сѣкира

И жершву новую зовешъ.

Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира

Въ послѣдній разъ ему поешъ ¹.

Заушра казнь, привычный пирь народу;

Но лира юнаго пѣвца

О чемъ поешъ? Поешъ она свободу:

Не измѣнилась до конца!

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!

Я плахъ обречень. Послѣдніе часы

Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою

Палачь мою главу подыметъ за власы

Надъ равнодушною толпою.

Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ

Не будешь почивашъ въ саду, гдѣ провождали

Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,

И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье;
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьтесь, милые, мой жребій въ пишинѣ!
 Спрашитесь возбудишь слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы пресупленье:
 О братъ сожалѣть не смѣешь нынѣ братъ.
 Еще жь одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, лепучихъ думъ небрежныхъ созданья,
 Разнообразныя, завѣшныя преданья
 Всей младости моей. Надежды и мечты
 И слезы и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою хранящъ. У Авеля, у Фанни ²,
 Молю, найдите ихъ! Невинной музы дани
 Сберите! Спрогій свѣтъ, надменная молва
 Не будушъ вѣдашъ ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падешъ! Мой недозрѣлый геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній.
 Я скоро весь умру. Но, шѣнь мою любя,
 Хранише рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ; толпою суевѣрной
 Сбирайтесь иногда чипашъ мой свилокъ вѣрной,
 И, долго слушая, скажите: эшо онъ!
 Вошъ рѣчь его! А я, забывъ могильный сонъ,

Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упьюсь... и, можешь быть, утѣшенъ буду я
 Любовью. Можешь быть, и Узница моя 3,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая...

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовью, шоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ томны очи
 И пѣсни и пиры и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни пѣнь,
 Свободу и друзей и сладостную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.

Когда жь, вакхальною тревогой утмясь
 И новымъ пламенемъ незапно воспаясь,
 Я утпромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала:
 Какъ сладко жизнь моя лилась и ушекала!
 Зачѣмъ опъ жизни сей, лѣнливой и просшой,
 Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой,
 Гдѣ сшраспи дикія, гдѣ буйные невѣжды
 И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Чшо дѣлать было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, спихамъ и шишинѣ,
 На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
 Мнѣ ль было управлять сшропшивыми конями
 И крушо напргашъ безсильныя бразды?
 И что жь оспавлю я? Забытые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голось мой! И ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропощъ малодушной!

Гордись и радуйся, поэты!

Ты не поникъ главою послушной

Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ:

Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя.

Твой свѣшочъ, грозно пламенѣя,

Жестокимъ блескомъ озарилъ

Совѣтъ правителей безславныхъ 4;

Твой бичъ насшигнулъ ихъ, казнилъ

.

Твой стихъ свиспалъ по ихъ главамъ;

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;

Ты пѣлъ Марашовымъ жрецамъ

Кинжалъ и двѣ-эмениду!

Когда свяшый шарикъ отъ плахи отрывалъ

Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:

Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,

И передъ вами шрепешалъ

Ареопагъ оспервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,

Моей главою играй теперь!

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:

Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:

Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужь недалёкъ:
 Падешь, тиранъ! Негодованье
 Воспрянешь наконецъ. Опечесства рыданье
 Разбудишь упомленный рокъ.
 Теперь иду... пора... но ты ступай за мною!
 Я жду тебя. »

Такъ пѣль воспорженный поэшь.
 И все покоилось. Лампады пихій свѣшь
 Блѣднѣль предъ упренней зарёю,
 И утро вѣяло въ шемницу. И поэшь
 Къ рѣшешкѣ поднялъ важны взоры...
 Вдругъ шумъ. Пришли, зовущъ. Они! Надежды нѣшь!
 Звучашъ ключи, замки, запоры.
 Зовущъ... Поспой, поспой! День только, день одинъ:
 И казней нѣшь, и всѣмъ свобода,
 И живъ великій гражданинъ
 Среди великаго народа 5.
 Не слышатъ. Шеспвѣе безмолвно. Ждешъ палачъ.
 Но дружба смертный пущъ поэша очаруетъ 6.
 Вошь плаха. Онъ возшелъ. Онъ славу именуетъ 7...
 Плачь, муза, плачь!....

РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

P A 3 H P R

CTNXOTBOPHIA

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ О В И Д І Ю.

Овидій! Я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принеся и пепель свой оставилъ.
Твой безоправданный плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще швоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеніи
Пустыню мрачную, поэма започенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И крапкой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою!
Я видѣлъ швой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждешь пѣвца любви жестокая награда:
Тамъ нивы безъ пѣней, холмы безъ винограда;

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны,
За Испромъ ушаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ
И по льду звучному безшрешно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рашной,
Привыкнулъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождаешь безпечные часы.),
Ты будешь принужденъ взложишь и шлемъ тяжелой,
И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой.
Ни дочь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не уладятъ печали.
Напрасно граціи сшихи швои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизустъ:
Ни слава, ни лѣша, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не пронутъ;
Дни старости швоей въ забвеніи погнутъ.
Злашой Ишаліи роскошный гражданинъ,
Въ опчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ пѣжкѣ горести далекой дружбѣ пишешь:

« О возвратите мнѣ священный градъ опцовъ
 И пѣни мирныя наслѣдственныя садовъ!
 О други! Августу молюбы мои несите!
 Карающую длань слезами опклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не видашь тебя, великій Римъ;
 Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
 Твое уныніе и слезы укоришь?
 Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Сіи элегіи, послѣднія шворенья,
 Гдѣ ты свой щепетный спонъ потомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣпиль
 Спрану, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ побой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя каршины повѣрялъ;
 Но взоръ обманутымъ мечпаньямъ измѣнялъ.

Изгнаніе твое плѣняло вшайнѣ очи ,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшится небесная лазурь;
 Здѣсь крапко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На скиѣскихъ берегахъ переселенецъ новый ,
 Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужь пасмурный декабрь на рускіе луга
 Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
 Зима дышала шамъ : а съ вешней теплотою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною;
 Младою зеленою пестрѣль увядшій лугъ;
 Свободныя поля взрывалъ ужь ранній плугъ;
 Чуть вѣялъ вѣшерокъ, подь вечеръ холодѣя;
 Едва прозрачный ледъ, надь озеромъ тускнѣя,
 Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои ,
 Сей день , замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ ,
 Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
 И по льду новому, казалось, предо мной
 Скользила пѣнь твоя, и жалобные звуки
 Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
 Утѣшься : не увяль Овидіевъ вѣнецъ!
 Увы, среди толпы зашерянный пѣвецъ,

Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній :
И, жертва шемная, умремъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минушною молвой! . . .
Но если, обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искашь въ спранѣ сей опдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной :
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь ,
Къ нему слепишь моя признапельная шѣнь,
И будешь мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранился же завѣтное преданье :
Какъ ты, враждующей покорсхвуя судьбѣ ,
Не славой, учаспью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая ,
Скипался я въ шѣ дни , какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ :
И ни единый другъ мнѣ въ міръ не внималъ ;
Но чуждые холмы , поля и рощи сонны
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

II.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ , въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ ,
Всегда въ заняшiяхъ суровыхъ,
Въ постѣ , моливѣ и трудахъ.
Уже лопашкою смиренной
Себѣ могилу спарецъ рылъ,
И лишь о смерти вождельной
Свяшыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣшомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй ;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу капился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;
 Не можешь самъ себя понять...
 И видишь: закипѣли волны,
 И присмирѣли вдругъ опяшь...
 И вдругъ..... легка, какъ тѣнь ночная,
 Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
 Выходишь женщина нагая,
 И молча сѣла у бреговъ.

Глядишь на стараго монаха
 И чешешь влажные власы.
 Свяшой монахъ дрожишь со страха
 И смотришь на ея красы.
 Она манишь его рукою,
 Киваетъ быстро головой...
 И вдругъ падучею звѣздою
 Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ утрюмой
 И не молился цѣлый день:

Передъ собой съ невольной думой
 Все видѣлъ чудной дѣвы шѣнь.
 Дубравы вновь одѣлись шмою;
 Пошла по облакамъ луна,
 И снова дѣва надъ водою
 Сидишь, прелестна и блѣдна.

Глядишь, киваешь головою,
 Цѣлуешь издали шупя,
 Играешь, плещешься волною,
 Хохочешь, плачешь, какъ дия,
 Зовешь монаха, нѣжно стонешь...
 « Монахъ, монахъ! Ко мнѣ, ко мнѣ!... »
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь:
 И все въ глубокой пишинѣ.

На шрешій день опшельникъ спрасшной
 Близъ очарованныхъ береговъ
 Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
 А шѣнь ложилась средь дубровъ...

Заря прогнала пму ночную:

Монаха не нашли нигдѣ,

И только бороду сѣдую

Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ шайнспвенномъ молчаньи :

Холмъ одѣлся темношой ;

Ходишь въ облачномъ сіяньи

Полумѣсяцъ молодой.

Вижу : лира надъ могилой

Дремлешь въ сладкой пишинѣ ;

Лишь порою звонъ унылой ,

Будто лѣни голосъ милой ,

Въ мершвой слышишься спрунѣ.

Вижу : горлица на лирѣ ,

Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ . . .

Други , здѣсь почишь въ мирѣ

Сладоспрасшія мудрецъ.

Посмотрише : на порфирѣ

Оживиль его рѣзецъ !

Здѣсь онъ въ зеркало глядишь ,

Говоря : я сѣдъ и сшаръ ,

Жизнью дайше жъ на сладишь ;

Жизнь , увы , невѣчный даръ !

Здѣсь , поднявъ на лиру длани

И нахмуря важно бровь,
Хочешь пѣшь онъ бога брани,
Но поешь одну любовь.
Здѣсь готовишься природѣ
Долгъ послѣдній заплашишь:
Сшарецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду просишь утолишь.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минушъ.
Вошъ и музы и харишы
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увишы
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смершнй, вѣкъ швой привидѣнье:
Щасъе рѣзвое лови!
Наслаждайся, наслаждайся!
Чаще кубокъ наливай!
Сспрасъю пылкой упомляйся,
А за чашей ошдыхай!

IV.

Ч Е Р Н А Я Ш А Л Ь.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Гречанку младую я спраспно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня ;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей :
Ко мнѣ поступался презрѣнный Еврей.

Съ шобою пируюшъ (шепнуль онъ) друзья;
Тебѣ жь измѣнила Гречанка швоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на борзомъ конѣ;
И крошкая жалосишь молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ...
Глаза пошеменили; я весь изнемогъ.

Вхожу въ опдаленный покой я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ Армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта: булавъ загремѣлъ...
Прервашъ поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое шло я долго шопшаль,
И молча на дѣву блѣднѣя взираль.

Я помню моленья . . . текущую кровь :
Погибла Гречанка , погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль ,
Ошеръ я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ , какъ настала вечерняя мгла ,
Въ Дунайскія волны ихъ бросиль шѣла.

Съ шѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей ,
Съ шѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И Хладную душу шерзаетъ печаль.

V.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неисповые клики?

Кого, куда зовушь и бубны и шимпань?

Чшо значашъ радостные лики

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругъ свѣшлая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближается... Вошь онъ, вошь сильный богъ!

Вошь Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вошь онъ, вошь Индіи герой!

О радость! Полныя шобой

Дрожащъ, гошovy грянушь спруны

Нелицемерною хвалою,

Эванъ, эвое! Дайше чаши,

Несише свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ ширсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

Вошь онъ , вошь Вакхъ ! О часъ опрадный !
 Державный ширсъ въ его рукахъ ;
 Вънець желшѣешь виноградный
 Въ чернокудрявыхъ волосахъ . . .
 Течешъ. Его молодые шигры
 Съ покорной яростью влекушъ ;
 Кругомъ лешашъ эрошы , игры ,
 И гимны въ честь ему поюшъ.
 За нимъ шѣснишся козлоногій
 И фавновъ и сашировъ рой ;
 Плющемъ опушаны ихъ ноги ;
 Бѣгушъ смятенною толпой
 Во слѣдъ за быстрой колесницей :
 Кшо съ просшниковою цѣвницей ,
 Кшо съ вѣрной кружкою своею ;
 Топъ оспушившись упадаешъ
 И бархашный коверъ полей
 Виномъ багровымъ обливаешъ
 При дикомъ хохотѣ друзей.
 Тамъ далѣ вижу дивный ходъ :
 Звучашъ веселые шимпаны ;
 Младья нимфы и сильваны ,
 Соспавя шумный хороводъ ,
 Несушъ недвижнаго Силена . . .

Вино струится, брызжеть пѣна,
 И розы сыплются кругомъ;
 Несутъ за спящимъ спарикомъ
 И ширсъ, символъ побѣдный мира,
 И кубокъ, тяжкой золошой,
 Подарокъ Вакха дорогой.

Но воешь берегъ опдаленный.
 Власы раскинувъ по плечамъ,
 Вѣнчанны гроздемъ, обнажены,
 Бѣгутъ Вакханки по горамъ.

Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
 Гремятъ и вшорятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
 Промчались, лешатъ, свивающся руками,
 Волшебной пляской топчутъ лугъ:
 И младость пылкая шолпами
 Спекается вокругъ.

Поютъ неисповыя дѣвы;
 Ихъ сладострасшныя наѣвы
 Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
 Ихъ перси дышатъ вождельньемъ;
 Ихъ очи, полныя безумствомъ и помленьемъ,
 Сказали: щасшіе лови!

Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаютъ намъ
 Спыдливосць милаго смяшенья,
 Желанье робкое, а шамъ
 Воспоргъ и дерзосць наслажденья.

Но вотъ рассыпались по холмамъ и полямъ;
 Махая ширсами, несущся;
 Ужь издали ихъ вопли раздаются,
 И гуль имъ впоришь по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважные бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суешы!
 Теки, вино, спруею пѣнной
 Въ чесць Вакха, музъ и красопы!
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважные бойцы!

VI.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фоншанъ живой!
Принеси я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропишь росой холодной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ оспрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ быль!...

Фоншанъ любви, фоншанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошала:
Хвалу спранъ прочла я дальній;
Но о Маріи ты молчала!...

Свѣшило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минушныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

VII.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Ошмспить неразумнымъ Хозарамъ :
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну шарикъ одному,
Завѣшовъ грядущаго вѣспникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведенъ весь вѣкъ.
И къ мудрому шарцу подѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
 Чшо сбудешся въ жизни со мною?
 И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
 Могильной засыплюсь землёю?
 Открой мнѣ всю правду, не бойся меня!
 Въ награду любого возмешь ты коня.

Волхвы не бояшся могучихъ владыкъ,
 А княжескій даръ имъ ненужень;
 Правдивъ и свободень ихъ вѣщій языкъ,
 И съ волей небесною дружень.
 «Грядущіе годы шаяшся во мглѣ;
 Но вижу швой жребій на свѣшломъ челѣ.

Запомни же нынѣ шы слово мое!
 Воишелю слава опрада:
 Побѣдой прославлено имя швое;
 Твой щипъ на врапахъ Цареграда;
 И волны и суша покорны шебѣ;
 Завидуешь недругъ споль дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валь
Въ часы роковой непогоды
И пращъ и стрѣла и лукавый кинжалъ
Щадящъ побѣдишеля годы . . .
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ :
Незримый хранишель могущему данъ.

Твой конь не боится опасныхъ штурмовъ ;
Онъ , чуя господскую волю ,
То смирный стоишь подъ стрѣлами враговъ ,
То мчишься по бранному полю ,
И холодъ и съча ему ничего :
Но примешь ты смерть опъ коня своего. »

Олегъ усмѣхнулся ; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи , рукой опершись на сѣдло ,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой ;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладишь и шепчешь по шеѣ крушой.

« Прощай, мой товарищ, мой вѣрный слуга!

Разсшась настало намъ время:

Теперь отдыхай! Ужь не спужиь нога

Въ швое позлащенное спремя.

Прощай, ушѣшайся, да помни меня!

Вы, опроки - други, возмише коня!

Покройше попоной, мохнатымъ ковромъ;

Въ мой лугъ подъ ушцы опведише;

Купайше, кормише опборнымъ зерномъ;

Водой ключевою поише! »

И опроки пошчасъ съ конемъ опошли,

А князю другаго коня подвели.

Пируешъ съ дружиною вѣщій Олегъ

При звонѣ веселомъ спакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ ушренный снѣгъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминають минувшіе дни

И бишвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

« А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ ,
 Скажите , гдѣ конь мой решивый ?
 Здоровъ ли ? Все также ль легокъ его бѣгъ ?
 Все пошъ же ль онъ бурный , игривый ? »
 И внемлюшъ ошвѣсту : на холмѣ крушомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ .

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ : « что же гаданье ?
 Кудесникъ , шы лживый , безумный шарикъ !
 Презрѣшь бы швое предсказанье !
 Мой конь и донынѣ носилъ бы меня . »
 И хочешь увидѣшь онъ косши коня .

Вопшъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора ,
 Съ нимъ Игорь и старые госши ,
 И видяшъ : на холмѣ , у берега Днѣпра ,
 Лежашъ благородныя косши ;
 Ихъ моюшъ дожди , засыпаешъ ихъ пыль ,
 И вѣшеръ волнуешъ надъ ними ковыль .

Князь тихо на черепъ коня наступилъ

И молвилъ: « спи , другъ одинокой !

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ :

На признѣ , уже недалеко ,

Не ты подъ сѣкирой ковыль обagriшь

И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вошь , гдѣ шайлась погибель моя !

Мнѣ смершю кость угрожала ! »

Изъ мершвой главы гробовая змiя

Шипя между шѣмъ выползала ;

Какъ черная ленша вокругъ ногъ обвилась :

И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запѣнясь шипяшъ

На признѣ плачевной Олега :

Князь Игорь и Ольга на холмѣ сядяшъ ;

Дружина пируешъ у берега ;

Бойцы поминаюшъ минувшіе дни

И бишвы , гдѣ вмѣстѣ рубились они.

VIII.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда поля въ часъ утренній молчали,
 Свирѣли звукъ унылый и простой
 Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной шмѣ лѣсной
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
 Иль тихій взоръ, исполненный тоской?
 Встрѣчали ль вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой гласъ
 Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
 Встрѣчая взоръ его попухшихъ глазъ,
 Вздохнули ль вы?

IX.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
 Повеселю васъ новой сказкой.
 Знали ли вы, мои друзья,
 Слепаго мальчика съ повязкой?
 Слепаго? ... Вошь? Помилуй, Фебъ!
 Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
 Но шалуну пришла жь охота,
 Чшобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
 Его безуміе вело.
 Безуміе ведешь Эроша:
 Но вдругъ, не знаю почему,
 Оно наскучило ему.
 Взялся за новую зашью:
 Повязку съ милыхъ снявъ очей,
 Идешь проказникъ къ Гименею...
 А что такое Гименей?
 Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
 Холодный, дряхлый и лѣнивый,
 Ворчишь и дремлешь цѣлый вѣкъ,
 А впрочемъ добрый человекъ,

Да нравъ имѣешь онъ ревнивый.
 Опъ ревности печальный богъ
 Спокойно подремать не могъ ;
 Все прусиль маленькаго брата,
 За нимъ подсматривалъ шайкомъ,
 И караулил супосапа
 Съ своимъ докучнымъ фонарёмъ.
 Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ,
 И рѣчь коварную заводитъ :
 « Развеселися , Гименей !
 « Ну, помиримся , будь умнѣй !
 « Забудь, товарищъ мой любезный,
 « Раздоръ смѣшный и бесполезный !
 « Да только навсегда, смотри !
 « Возми жъ повязку въ память , милый ,
 « А мнѣ фонарь свой подари ! »
 И что жъ ? Повѣрилъ богъ унылый.
 Амуръ опъ радости прыгнулъ ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату зашянулъ.
 Гимена скучные дозоры
 Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ ;
 Его зависливые взоры
 Теперь не спрашны красошамъ ;

Спокоенъ онъ, но брашъ коварный,
 Шушя надъ чesтью и надъ нимъ,
 Войну ведешъ неблагодарный
 Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
 Лишь сонъ на смертныхъ налепашъ,
 Амуръ въ молчаніи noctномъ
 Фонарь любовнику вручашъ,
 И самъ щаспливца провожашъ
 Къ уснувшему супругу въ домъ;
 Самъ опъ безпечнаго Гимена
 Онъ охраняешъ тайну дверь...
 Пойми меня, мой другъ Елена,
 И мудрой повѣспи повѣрь!

Х.

РАЗЛУКА.

Въ послѣдній разъ , въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаешь нашъ пеняшъ.

Лицейской жизни милый брашъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли лѣта соединенья;

Разорванъ онъ , нашъ вѣрный кругъ.

Прости! Хранимый небомъ ,

Не разлучайся , милый другъ ,

Съ свободою и Фебомъ!

Узнай любовь , невѣдомую мнѣ ,

Любовь надеждъ , воспорговъ , упоенья:

И дни твои полешомъ сновидѣнья

Да пролетяшъ въ щасливой пишинѣ!

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной бѣшвы,

При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья ,

Святому брательству вѣренъ я.

И пусть (услышишь ли судьба мои молишвы?)

Пусть будутъ счастливы всѣ , всѣ твои друзья!

XI.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Харишы, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младая лѣша
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣша
Люби, Адель,
Мою свирѣль!

XII.

В И Н О Г Р А Д Ъ.

Не спану я жалѣть о розахъ,
 Увявшихъ съ легкою весной;
 Мнѣ миль и виноградъ, на лозахъ
 Въ киспяхъ созрѣвшій подъ горой,
 Краса моей долины злачной,
 Ошрада осени злапой,
 Продолговатый и прозрачной,
 Какъ перспы дѣвы молодой.

XIII.

СТАНСЫ Т — МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
 Пировъ и наслажденій жизни,
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣща
 На грусть и скуку промѣняль,
 И на лампаду Эпиктета
 Злапый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
 Пора унылыхъ сожалѣній,
 Холодной истины заботъ
 И безполезныхъ размышленій.

Зевесь, балуя смертных чадъ
 Всѣмъ возрасшамъ даешь игрушки:
 Надъ сѣдинами не гремашь
 Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходишь вновь!
 Зови же сладкое бездѣлье
 И легкокрылую любовь
 И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
 Живи безпечень, равнодушень!
 Мгновенью жизни будь послушень,
 Будь молодъ въ юности швоей!

XIV.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приюшь покойсвѣя, шрудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льется дней моихъ невидимый пошокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я швой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья
 На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу размышленья.

Я швой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уславленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумяшъ.

Вездѣ передо мной подвижныя каршины:

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,

Гдѣ парусъ рыбака бѣлѣетъ иногда,

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаши,

Вдали разсыпанные хашы,

На влажныхъ берегахъ бродящія сшада,

Овины дымные и мѣльницы крылаши;

Вездѣ слѣды довольсва и шруда.

Я здѣсь, отъ суешныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ истинѣ блаженство находить,
 Свободною душой законъ богопворишь,
 Ропшанью не внимаешь толпы непросвѣщенной,
 Учасьемъ отвѣчаешь за спѣнчивой мольбѣ

И не завидовать судьбѣ
 Злодѣя, иль глупца, въ величїи неправомъ.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величаю
 Слышите вашъ оправднй гласъ;
 Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
 Къ шрудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
 И ваши творческія думы
 Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

• • • • •
 • • • • •
 • • • • •
 • • • • •

XV.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещуть волны Флегетона,

Своды шаршара дрожащъ :

Кони блѣднаго Плутона

Быспро къ нимфамъ Пеліона

Изъ аида бога мчащъ.

Вдоль пустыннаго залива

Прозерпина вслѣдъ за нимъ,

Равнодушна и ревнива,

Потекла путемъ однимъ.

Предъ богинею колѣна

Робко юноша склонилъ.

И богинямъ льсπιшь измѣна:

Прозерпинѣ смершнѣй милъ.

Ада гордая царица

Взоромъ юношу зовель,

Обняла, и колесница

Ужъ къ аиду ихъ несель:

Мчашся, облакомъ одѣшы;

Видящъ вѣчные луга,

Элизей и шомной Лешы

Усыпленные брега.

Тамъ безсмертье , тамъ забвенье ,

Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.

Прозерпина въ упоеньѣ ,

Безъ порфиры и вѣнца ,

Повинуется желаньямъ ,

Предаешь его лобзаньямъ

Сокровенныя красы ,

Въ сладострасшной нѣгѣ тонешь

И молчишь и томно спонешь . . .

Но бѣгушь любви часы ;

Плещушь волны Флегешона ,

Своды шаршара дрожашь :

Кони блѣднаго Плутона

Быстро мчащъ его назадъ.

И Кереры дочь уходишь ,

И счастливца за собой

Изъ элизія выводишь

Пошаенною шропой ;

И счастливецъ оппираешь

Осторожною рукой

Дверь , откуда вылетаешь

Сновидѣній ложный рой.

XVI.

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредящъ полямъ опасный хладъ дождя
И въпра позняго осенніе набѣги;
Да въ пору благошворны снѣги
Покроюшъ влажный шукъ полей!
Останься тайный спражъ въ наслѣдственнѣй сѣни,
Посшигни робостью полуночнаго вора
И ошъ недружескаго взора
Счастливыи домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калишкой вѣшхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скашъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

XVII.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
 Раздайшесь, вакхальны припѣвы!
 Да здравспвуютъ нѣжныя дѣвы
 И юныя жены, любившія насъ!
 Полнѣ спаканъ наливайше!
 На звонкое дно
 Въ густое вино
 Завѣшныя кольца бросайше!

Подвинемъ спаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
 Да здравспвуютъ музы, да здравспвуешь разумъ!
 Ты, солнце святое, гори!
 Какъ эша лампада блѣднѣешь
 Предъ яснымъ восходомъ зари,
 Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь
 Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
 Да здравспвуешь солнце, да скроешься шма!

XVIII.

ВЪ АЛБОМЪ.

Если жизнь тебя обманетъ;
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись!
День веселья, вѣрь, наспанетъ.

Сердце въ будущемъ живешь;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будешь мило.

XIX.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
 Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
 При кликахъ юности безумной,
 При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, Музы васъ благословили,
 Вънками свѣще оѣня,
 Когда вы, други, опличили
 Почешной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
 Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
 Она не суешной работою,
 Не рѣзбою плѣняла насъ,

Но тѣмъ однимъ лишь опличалась,
 Чшо, жажду скиѣскую поя,
 Бушылка полная вливалась
 Въ ея широкіе края.

Я пиль, и думою сердечной
 Во дни минувшіе леталъ,
 И горе жизни скоротечной
 И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
 И скорбь исчезла предо мной,
 Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
 Подъ зашипѣвшею струей.

XX.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты капишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышала я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и шуманный,
Завѣшнымъ умысломъ твоимъ!

Какъ я любилъ твои шумы ,
 Глухіе звуки , бездны гласъ
 И тишину въ вечерній часъ ,
 И своиравные порывы !

Смиранный парусъ рыбарей ,
 Твоею прихошею хранимый ,
 Скользишь безпечно средъ зыбей :
 Но ты взыгралъ , неодолимый ;
 И спая шонешь кораблей .

Не удалось навѣкъ оставишь
 Мнѣ скучный , неподвижный берегъ ,
 Тебя восшоргами поздравишь
 И по хребтамъ твоимъ направитъ
 Мой поэтический побѣгъ .

Ты ждалъ , ты звалъ . . . я былъ окованъ ;
 Вошще рвалась душа моя :
 Могучей спрасшею очарованъ ,
 У береговъ ошался я .

О чемъ жалѣшь? Куда бы нынѣ
 Я путь отважный устремилъ?
 Одинъ предметъ въ швоей пущынѣ
 Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы:
 Тамъ угасалъ Наполеонъ,

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
 И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другій опъ насъ умчался геній,
 Другій власпишель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
 Оставя міру свой вѣнецъ.
 Шуми, взволнуйся непогодой:
 Онъ былъ, о море, швой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень ,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ :
 Какъ ты , могущъ , глубокъ и мраченъ ,
 Какъ ты , ничѣмъ неукрошимъ .

Миръ опустѣлъ Теперь куда же
 Меня бѣ ты вынесъ , океанъ ?

.

Прощай же , море ! Не забуду
 Твоей торжественной красы ,
 И долго , долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы .

Въ лѣса , въ пустыни молчаливы
 Перенесу , шобою полнъ ,
 Твои скалы , твои заливы
 И блескъ и шѣнь и говоръ волнъ .

XXI.

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія :
И взоры дѣвъ , и шумъ дубровы ,
И ночью пѣнье соловья ;
Когда возвышенныя чувства ,
Свобода , слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь :
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня ,
Тогда какой-то злобный геній
Спаль тайно навѣщаешь меня.
Печальны были наши встрѣчи :
Его улыбка, чудный взглядъ ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспощимый клеветною ,
Онъ провидѣнье искушалъ ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою ;
Онъ вдохновенье презиралъ ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;

На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:

И ничего во всей природѣ

Благословишь онъ не хошѣлъ.

XXII.

ПОДРАЖАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ПѢСНѢ.

О дѣва-роза , я въ оковахъ ;
 Но не спыжусь швоихъ оковъ :
 Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ ,
 Пернашый царь лѣсныхъ пѣвцовъ ,
 Близъ розы гордой и прекрасной
 Въ неволѣ сладоспной живешъ
 И нѣжно пѣсни ей поешъ
 Во мракѣ ночи сладоспраспной.

XXIII.

ТЪЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подь чась въ ней бремя,
 Тълега на ходу легка;
 Ямщикъ лихой, сѣдое время,
 Везешь, не слезешь съ облучка.

Съ утра садимся мы въ тѣлегу,
 Мы погоняемъ съ ямщикомъ
 И, презирая лѣнь и нѣгу,
 Кричимъ: валяй по всѣмъ по шрѣмъ!

Но въ полдень нѣтъ ужь той опваги;
 Поразтрясло насъ; намъ страшнѣй
 И косогоры и овраги;
 Кричимъ: попише, дуралей!

Капашь попрежнему тѣлега.
 Подь вечеръ мы привыкли къ ней,
 И дремля ѣдемъ до ночега,
 И время гонишь лошадей.

XXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:

Угасъ великій человѣкъ.

Въ неволѣ мрачной закапился

Наполеона грозный вѣкъ.

Исчезъ властитель осужденный,

Могучій баловень побѣдъ:

И для изгнанника вселенной

Уже попомство насшаесть.

О ты, чьей памяшью кровавой

Міръ долго, долго будетъ полнъ,

Пріосѣненъ твоею славой,

Почій среди пустынныхъ волнъ!

Великолѣпная могила....

Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежишь,

Народовъ ненависть почила

И лучъ безсмертія горишь.

Давно ль орлы швои лешали
Надъ обезславленной землѣй?

Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?

Послушны волѣ своевравной,

Бѣдой шумѣли знамена,

И налагалъ яремъ державной

Ты на земныя племена.

• • • • •

• • • • •

И Франція, добыча славы,

Плѣненный успремила взоръ,

Забывъ надежды величавы,

На свой блистательный позоръ.

Ты вель мечи на пиръ обильный;

Все пало съ шумомъ предъ побой:

Европа гибла; сонъ могильный

Носился надъ ея главой.

• • • • •

• • • • •

Надменный, кто тебя подвигнул?
 Кто обуяль швой дивный умъ?
 Какъ сердца Рускихъ не поспигнулъ
 Ты съ вышины опважныхъ думъ?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужь шы мечпалъ,
 Чшо мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно Рускихъ разгадавъ. . . .

Россія, бранная царица!
 Воспомни древнія права!

 Пылай, великая Москва!
 Наспали времена другія:
 Исчезни крапкѣй нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война; по гробъ нашъ договоръ.

Опъпенѣлыми руками
 Схвашивъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видитъ предъ очами,
 Онъ гибнеть, гибнеть наконецъ.

Бѣжашъ Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И шаешъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
 Европа свой распоргла плѣнь;
 Вослѣдъ пирану полешѣло,
 Какъ громъ, проклятіе племень.
 И длань народной Немезиды
 Подъяшу видишь великанъ:
 И до послѣдней всѣ обиды
 Ошпачены тебѣ, пиранъ!

Изкуплены его спяжанья,
 И зло воинственныхъ чудесъ
 Тоскою душнаго изгнанья
 Подъ сѣнью чуждою небесъ.
 И знойный островъ започенья
 Полнощный парусъ посѣпишь,
 И пушникъ слово примиренья
 На ономъ камнѣ начерпишь,

Гдѣ , устремивъ на волны очи ,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей
И льдистый ужасъ полуночи
И небо Франціи своей ;
Гдѣ иногда , въ своей пустынь
Забывъ войну , попомство , троихъ ,
Одинъ , одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный , кто въ сей день
Безумнымъ возмутишь укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь !
Хвала ! . . . Онъ рускому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

THE LONDON MUSEUM

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

ВРАГИ МОИ , ПОКАМѢСНѢ Я НИ СЛОВА...
И, кажешся, мой быстрый гнѣвъ угасъ:
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго.
Не избѣжать пронзительныхъ когшей,
Какъ налечу нежданный , безпощадный :
Такъ въ облакахъ кружишся ястребъ жадный
И сшорожишь индѣекъ и гусей.

II.

Охопникъ до журнальной драки ,
Сей усыпительный Зоиль
Разводишь опіумъ черниль
Слюнею бѣшеной собаки.

III.

У Кларисы денегъ мало ,
Ты богашъ ; иди къ вѣнцу :
И богашсшво ей приспало
И рога шебѣ къ лицу.

IV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ : не носень Ёирсъ ученый ,
Педаншь надушый и мудреный :
Онъ важно судить обо всёмъ ,
Всего онъ знаетъ понемногу .
Люблю тебя , сосѣдь Пахомъ :
Ты просто глупъ и слава Богу .

V.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я спихами какъ-то свиснуль
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шупъ о нихъ спашейку шиснуль,
И въ свѣшъ пустиль безъ подписи жь злодѣй.
Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шупу
Не удалось прикрышь своихъ проказъ:
Онъ по когшамъ узналъ меня въ минушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

МАРАЕТЪ онъ единымъ духомъ

Лиспъ ;

ВНИМАЕШЪ онъ привычнымъ ухомъ

Свиспъ ;

ПОШОМЪ всему шерзаетъ свѣшу

Слухъ ;

ПОШОМЪ печашаетъ : и въ Лешу

Бухъ !

VII.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ , кто въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскашельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ , по милости Творца,
Ошъ усыпишеля глупца ,
Ошъ пробудишеля нахала!

VIII.

Л И Л Ё.

Лила, Лила! Я страдаю
Безопрядною тоской,
Я помлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила! Ты прекрасна
И безчувственной красой.

IX.

Р О З А.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дишя зари.
Не говори:
Такъ вянешь младость!
Не говори:
Вопь жизни радость!
Цвѣшку скажи:
Проспи, жалю!
И на лилею
Намъ укажи!

Х.

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;

Пойте пѣсни въ добрый часъ:

Дружба, грація и младость

Имянинницы у насъ.

Между шѣмъ диша крылапо,

Васъ привѣшсшвуя, друзья,

Вшайнѣ думаешь: когда-шо

Имянинникъ буду я?

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его спиховъ плѣнительная сладость
Пройдешь вѣковъ зависливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешь о славѣ младость,
Утѣшился безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

XII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ***

Судьба свои дары явить желала въ нѣмъ,
Въ щасливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ извѣсительной улыбкой.

XIII.

К. А. Б.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумавъ, я скажу все шже.

XIV.

СТАРИКЪ.

Ужь я не шопъ любовникъ спраспной,
Кому дивился прежде свѣшъ :
Моя весна и лѣшо красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младаго !
Я швой служишель вѣрный былъ ;
Ахъ, если бѣ могъ родишся снова,
Ужь шакъ ли бѣ я шебѣ служиль!

XV.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумирь,
За споломъ законодатель,
Гдѣ до утра слово пей,
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ проспоренъ кругъ гостей,
А кружокъ бушелокъ пѣсень.

XVI.

Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный,

Эмилій человекъ *пустой*.

Да шы чѣмъ *полонъ* шупъ нарядный?

А, понимаю: самъ собой;

Ты *полонъ* дряни, милый мой!

XVII.

ИНОСТРАНКЪ.

На языкъ, шебъ невняшномъ,
Спихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья швоего прошу:
Мой другъ, доколъ не увяну,
Въ разлукъ чувсшво погубя,
Боготворишь не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя чершы взирая,
Въръ шолько сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страсшей не понимая.

XVIII.

Какъ брань тебѣ не надобла!

Расчесть корошокъ мой съ побой:

Ну, шакъ, я праздень, я безъ дѣла;

А ты бездѣльникъ дѣловой.

XIX.

КЪ ***

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омрачѣнъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На крашкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Опъ юности, опъ нѣгъ и сладострасья
Останется уныніе одно.

XX.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не пришворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій!
Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ въпрень и лѣнивъ,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

XXI.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю птичку выпускаю
При светломъ праздникѣ весны.
Я спалъ досюпень утѣшенью ;
Зачто на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать!

ИЗВЕЩАНИЕ

Въ извѣщеніи сего въ извѣщеніи
 Показанъ обмѣнъ извѣщеній
 На то же извѣщеніе
 Изъ извѣщеній извѣщеній
 2. Слѣдъ дознанія въ извѣщеніи
 3. Слѣдъ въ дознаніи въ извѣщеніи
 4. Слѣдъ въ дознаніи въ извѣщеніи
 5. Слѣдъ въ дознаніи въ извѣщеніи

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

JOSEPH RICHARDSON

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

М У З А.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиспвольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пущаго просника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ паспуховъ.
Съ ушра до вечера въ нѣмой пѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы пайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Ошкинувъ локоны ошъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тросникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ свяшымъ очарованьемъ.

II.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю : я любимъ ; для сердца нужно вѣришь.

Нѣшь, милая моя не можешь лицемѣришь ;

Все непришворно въ ней : желаній томный жарь ,

Спыдливосшь робкая , харишь безцѣнный дарь ,

Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежностъ

И ласковыхъ именъ младенческая нѣжностъ.

III.

Рѣдѣть облаковъ лепучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню твой возходъ, знакомое свѣшило,
Надъ мирною спраной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ спройны пополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлешь нѣжный миртъ и шемный кипарисъ
И сладосшно шумящъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

IV.

Ю Н О Ш А.

Щастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ :
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

V.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣль Нереиду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣль дохнушь:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

VI.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ себя влюбленъ: онъ молодъ, и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ попуцленный желаніемъ горитъ
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице швое хранишь.

VII.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравяшся и локоны злапые
И блѣдное лице и очи голубые.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Воспорги быстрые воспоргами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись чершы,
И весь я полонъ былъ таинственной печали
И имя чуждое уста мои шептали.

VIII.

Д Ъ В А.

Я говорилъ тебѣ : спрашися дѣвы милой!
Я зналъ : она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ , я зналъ : нельзя при ней
Иную замѣчать , иныхъ искашь очей.
Надежду поперявъ , забывъ измѣны сладость,
Пылаешь близъ нея задумчивая младость;
Любимцы щасія , наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленные молибы :
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидишь
И , очи опустивъ , не внемлешь и не видишь.

IX.

Н О Ч Ь.

Мой голосъ для тебя и ласковый и шомной
Тревожишь позднее молчанье ночи шёмной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горишь; мои спихи, сливаясь и журча,
Текушь, ручьи любви, шекушь полны побою.
Во шмѣ швои глаза блистають предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ...люблю...швоя...швоя!...

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты!
Пасухъ и земледѣль въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную шѣнь,
Умѣють ужь предрѣчь и вѣспрь и ясный день
И майскіе дожди, молодыхъ полей ошраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ шихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличуть швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны шучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудишь дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ; а ранній селянинъ,
Гошовясь ужь косишь высокій злакъ долинь,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремошу.

XI.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользя и тихо вѣшь
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣшь,
Забошь и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
Когда же волны по брегамъ
Ревушь, кипяшь и пѣной плещушь
И громъ гремишь по небесамъ
И молніи во мракъ блещушь,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый;
Живешь на ушломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины;
А я въ надежной шишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

XII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
 Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
 Играешь локономъ, и вѣрное стекло
 Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ!

ПОСЛАНІЯ.

ПОСЛАНИЯ.

I.

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Вешулій молодой
Въ толпу народную лешишь по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клоняшъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гоняшъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремишъ усердный взглядъ;
Ждушъ, ловяшъ съ шепесомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будшо дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и шарцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почешный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кшо васъ порабошилъ и власпью оковалъ?

Квиришы гордые подь иго преклонились
(Скажу ль?) Вешулія! Опчизны сшыдь моей,
Развратный юноша возсѣль въ совѣшъ мужей;
Любимецъ деспота сенапомъ слабымъ правишь,
На Римъ просперъ яремъ, отечество безславишь;
Вешулій Римлянъ царь!... О сшыдь, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подь поршикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
Куда ты нашъ мудрецъ, другъ истины, Дамешъ!
Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство не навижу.
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смирено поклонясь форшунѣ и мечшамъ,
Сѣдаго циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проспишься,
Гдѣ все продажное: законы, правоша,
И консуль и трибунъ, и честь и красота?
Пускай Глицерія, красавица молодая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопышность другихъ въ наемну ловишь съшь!
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣшь;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:

Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуюшъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
 Опъ знашныхъ къ богачамъ ползущъ изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипишъ въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко опъ забошъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
 Зависпливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ опеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
 Найши неспрудно намъ укромный, свѣшлый домъ,
 Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненья,
 Подъ спаростъ опдохнемъ въ глуши уединенья.
 И шамъ, расположась въ уюшномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ спарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ возпламеню жестокимъ Ювеноломъ,
 Въ сапирѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ попомспву обнажу.
 О Римъ, о гордый край развраща, злодѣянья!
 Придешъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падешъ, падешъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,

Съ мечами на себя подымуть мощны длани,
И горы и моря оставяшь за собой
И хлынуть на себя кипящею рѣкой.
Исчезнешь Римъ; его покроешь мракъ глубокой;
И пушникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнешь, въ мрачное раздумье углублень:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погублень.»

II.

В * * * М у.

Прости, щасливый сынъ пировъ,
 Балованный дитя свободы,
 Любимецъ музъ, поклонникъ моды
 И Терпсихоры и спиховъ!
 Ты въ жизни любишь перемѣну:
 Ты скачешь въ мирную Москву,
 Гдѣ сладко дремлюшь наяву
 И наслажденьямъ знаешь цѣну.
 Разнообразной и живой
 Москва плѣняетъ песпрошой,
 Старинной роскошью, пирами,
 Невѣсшами, колоколами,
 Забавной, легкой суешой,
 Невинной прозой и спихами.
 Ты шамъ на шумныхъ вечерахъ
 Увидишь важное бездѣлье,
 Жеманство въ шишыхъ кружевахъ,
 И глупость въ золошыхъ очкахъ,

И шаяжкою знашности веселье,
 И скуку съ картами въ рукахъ.
 Всего минувный наблюдашель,
 Ты посмѣешься подъ рукой;
 Но вскорѣ, вѣрный обожашель
 Забавъ и лѣни золошой,
 Держася моего совѣша
 И волю всей душой любя,
 Оставишь кругъ большаго свѣша
 И жишь рѣшишься для себя.
 Уже въ пріюшѣ опдаленномъ
 Я вижу мысленно тебя:
 Кипишь въ бакалѣ опѣненномъ
 Аи холодная спруя;
 Въ густомъ дыму лѣнивыхъ шрубокъ,
 Въ халашахъ, новые друзья
 Шумяшь и пьюшь; задорный кубокъ
 Обходишь ихъ безумный кругъ,
 И мчишься въ радостяхъ досугъ;
 А шамъ египетскія дѣвы
 Лешаюшь, вьются предъ тобой;
 Я слышу звонкіе напѣвы,
 Сшонъ нѣги, вопли, дикій вой;
 Ихъ изсшупленные движенья,

Огонь неистовыхъ очей,
 И все, мой другъ; въ душѣ твоей
 Раждаетъ трепещь упоенья....
 Но вспомни, милый: здѣсь одна,
 Тебя всечасно ожидая,
 Вздыхаетъ плѣнница молодая;
 Весь день уныла и томна,
 Въ своей задумчивости сладкой
 Тихонько плачешь подъ окномъ
 Опъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
 И сморишь на пустынный домъ,
 Гдѣ мы такъ часто пировали
 Съ Кипридой, Вакхомъ и побой,
 Куда съ надеждой и шоской
 Ея желанья улетали.
 О скоро ль милаго найдушь
 Ея пошупленные взоры,
 И предъ любовью упадушь
 Замковъ ревнивые зашворы?
 А нашъ осиротѣлый кругъ,
 Товарищъ, скоро ль оживишься?
 Когда прискачешь, милый другъ?
 Душа вослѣдъ тебѣ спремится.
 Гдѣ бь ни былъ ты, возми вѣнокъ

Изъ рукъ младаго сладоспращья,
И докажи, что ты знашокъ
Въ невѣдомой наукѣ щасья.

III.

П * * * Н У,

Что восхищительнѣй, живѣй
 Войны, сраженій и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пуспыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завиднѣй крашкихъ дней
 Неслишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
 Они живутъ въ своихъ шапрахъ,
 Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
 Какъ жилъ безсмертный прусъ Горацій
 Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаютъ свѣта принужденья,
 Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
 Даютъ обѣды и сраженья,
 Поютъ и рубятся въ бояхъ.
 Щасливъ, кто миль и спрашенъ міру;
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремятъ правдивая хвала;

Кто славилъ Марса и Темиру
 И бранную повѣсилъ лиру
 Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

Ш***ОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эрапой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Циперой,
 Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пишомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашъ игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою щасливую качали колыбель.

Друзей любишь открышою душою,
 Въ молчаньи чувствовашъ, плѣняшся красою:
 Вошь жребій мой; ему я слѣдовашь гошовъ,
 Но, милый, сжался надо мною,
 Не пребуи отъ меня стиховъ!

Невѣчно нѣжишься въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной истины я поздній вижу свѣтъ.
 По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
 Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,
 И, презря мудрые угрозы и совѣты,

Съ небрежной лѣнностью нанизывалъ куплеты
 Игрушкою себя невинной веселилъ;
 Угодникъ Бахуса, я презвѣй межъ друзьями,
 Бывало, пѣлъ вино водяными спихами;
 Мечшашельныхъ Доридъ и славилъ и бранилъ,
 Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
 И сонные спихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
 Душѣ наскучили Парнаскія забавы;
 Недолго снились мнѣ мечшанья музъ и славы:
 И, спрогимъ опышомъ невольно пробуждѣнь,
 Уснувъ межъ розами, на шерняхъ я проснулся,
 Увидѣлъ, что еще не генія печать
 Охоша смершная на риѣмахъ лепешать;
 Сравнивъ спихи швои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писашь.

V.

ДЕЛВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣною
 Укрытый опъ забошъ,
 Живи подъ ихъ надежной сѣнью!

Въ уединеніи шы щаспливъ: шы поэшъ.
 Наперснику боговъ неспрашны бури злыя:
 Надъ нимъ ихъ промысль высокій и свяшой;
 Его баюкаюшъ камены молодыя
 И съ персшомъ на усахъ храняшъ его покой.
 О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья

Еще въ младенческую грудь
 Вліяли искру вдохновенья
 И тайный указали пушъ:
 Я мирныхъ звуковъ наслажденья
 Младенцемъ чувспвовашъ умѣль,
 И лира спала мой удѣль.

Но гдѣ же вы, минушы упоенья,
 Неизъяснимый сердца жаръ,
 Одушевленный шрудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣшь, нѣшь, ни щасіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлечень! Въ бездѣйствіи щасливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можешь бышь, вздохну въ восшоргѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

VI.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосѣльемъ :
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть оспылой жизни чашу
Тянешъ медленно другой ;
Мы жь ушрашимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой ;
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И полною наши пѣни
Къ шихой Лешѣ убѣгуть ;

Смертный мигъ нашъ будетъ свѣшель:

И подруги шалуновъ

Соберушь ихъ легкій пепель

Въ урны праздныя пировъ.

VII.

АЛЕКСѢВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечшы!
Я позабылъ любви призывы
И плѣнь опасной красошы.
Свободы другъ миролюбивый,
Въ шолпѣ красавицъ молодыхъ
Я равнодушный и лѣнивый
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣстный лепешъ
Уже невластны надо мной.
Забыло сердце нѣжный шрепешъ
И пламя юноши живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться шрудно,
Вздыхашъ неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣришь безразсудно,
Мужей обманывашъ грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ.
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Барашынкій, я швержу:
«Нельзя ль найши подруги нѣжной,

«Нельзя ль найти любви надежной?»

И ничего не нахожу.

Оставя щасстья призракъ ложный,

Безъ упоительныхъ спрасшей,

Я спалъ наперсникъ оспорожный

Моихъ неопытныхъ друзей.

Когда любовникъ испугленной,

Тоскуя, плачешь предо мной

И для красавицы надменной

Клянешся жершвовашъ собой;

Когда въ жару своихъ желаній

Съ воспоргомъ изъясняешь онъ

Неясныхъ, шемныхъ ожиданій

Обманчивый, но сладкій сонъ,

И, крѣпко руку сжавъ у друга,

Клянешъ ревниваго супруга,

Или докучливую машъ:

Его безумнымъ увѣреньямъ

И поминутнымъ повпореньямъ

Люблю съ учаспiемъ внимаешь;

Я льщу слѣпой его надеждѣ,

Я молодъ юностью чужой

И говорю: такъ было прежде

Во время оно и со мной.

VIII.

К***НУ.

Кто мнѣ пришлеть ея портрентъ,
Чершы волшебницы прекрасной?
Таланшовъ обожашель спрасшной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можешь бышь, напрасной,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блиспала славой,
Я свиспомъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой!
Погибни лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Мельпоменой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смершный васъ поносишь;
Но вскорѣ препешной рукой
Вамъ жершвы новыя приносишь.

IX.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ побой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно швой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

О милый брагъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восшорга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь и лешаешь
И вновь живешь и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье даль опрады,

Я не хочу другой награды :
Недаромъ темною спезёй
Я проходилъ пустыню міра ,
О нѣшь, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

X.

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце разпаляшь
 И шихимъ, сладоспнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызываешь?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Спыдливости припворный видъ,
 Движеній томная небрежность
 И шрепешъ успъ и жаръ ланишь?
 Напрасны хиприя сшаранья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣшь...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой опвѣшь.

.

Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обитали презрѣнной
 Кшо смѣлой не спучалъ рукой?
 Нѣшь, нѣшь, другому свой завялый

Неси , прелесница , вѣнокъ ;
Ласкай неопытный порокъ ,
Въ твоихъ обѣщаньяхъ усмалый ;
Но гордый замысль забудь :
Не привлечешь питомца музы
Ты на предашельную грудь !
Неси другимъ наемны узы ,
Своей любви постыдный торгъ ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И златоромъ купленный воспоргъ !

XI.

N. N.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
 Худый, обришый, но живой:
 Его мучительная лапа
 Не тяготѣеть надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріапа,
 И сонъ, и сладостный покой,
 Какъ прежде, посѣпили снова
 Мой уголь шѣсный и проспой.
 Утѣшь и ты полубольнаго!
 Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
 Съ тобой, щасливый беззаконникъ,
 Лѣнивый Пинда гражданинъ,
 Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
 Венеры вѣпренный поклонникъ
 И наслажденій власпелинъ!
 Отъ суебы столицы праздною,
 Отъ хладныхъ прелестей Невы,
 Отъ вредной сплешницы молвы,

Опъ скуки , столь разнообразной ,
 Меня зовушь холмы , луга ,
 Тѣнишы клены огорода ,
 Пусынной рѣчки берега
 И деревенская свобода.

.

XII.

Ч***ВУ.

Къ чему холодныя сомнѣнья?

Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,

Гдѣ, крови жаждущимъ, богамъ

Дымились жертвоприношенья;

Здѣсь успокоена была

Вражда свирѣпой эвмениды:

Здѣсь провозвѣспница Тавриды

На брата руку занесла;

На сихъ развалинахъ свершилось

Святое дружбы торжество,

И душъ великихъ божество

Своимъ созданьемъ возгордилось.

Ч***, помнишь ли бывшее?

Давно ль съ воспоргомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое

Предашь развалинамъ инымъ?

Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лён и шишина,
 И, въ умиленъ вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

XIII.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламеняшь
Воображеніе поэшовъ,
Его шревожишь и плѣняшь
Любезной живостью привѣшовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И эшой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги шомной
Для упоенія спрасшей.
Скажи: когда пѣвецъ Деилы
Въ мечшахъ небесныхъ рисоваль
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь не себя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?
Бышь можешь, въ дальней споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя спрадалецъ вдохновенной
Узналь, иль видѣль, какъ во снѣ,

И скрылся образъ незабвенной
 Въ его сердечной глубинѣ.
 Бышь можешь, лирою щасливой
 Тебя волшебникъ искушалъ;
 Невольный трепеть возникалъ
 Въ швоей груди самолюбивой:
 И шы, склонясь къ его плечу....
 Нѣшь, нѣшь, мой другъ, мечшы ревливой
 Пишашъ я пламя не хочу:
 Мнѣ долго щасье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И, шайной грустію шомимъ,
 Боюсь: невѣрно все, что мило.

XIV.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
 Покрышый кровію свяшой,
 Чудесный швой отецъ, преступникъ и герой,
 И ужаса людей и славы былъ достоинъ.
 Тебя младенца онъ ласкалъ
 На пламенной груди рукой окровавленной;
 Твоей игрушкой былъ кинжалъ
 Брашоубійствомъ изощренной.
 Какъ часто, возбудивъ свирѣпой месши жаръ,
 Онъ молча надъ швоей невинной колыбелью
 Убійства новаго обдумывалъ ударъ
 И лепешъ швой внималъ и не былъ чуждъ веселью!
 Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
 Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ опща
 Смиреной жизнію предъ небомъ изкупила:
 Съ могилы грозной къ небесамъ
 Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
 Какъ чистая любви молишва возходила.

XV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечтательному міру
 Спрямясь возвышенной душой,
 Ты держишь на коѣнахъ лиру
 Нешерпѣливою рукой;
 Когда смѣняющся видѣнья
 Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
 И быстрый холодъ вдохновенья
 Власы подъемлешь на челѣ:
 Ты правъ, шворишь ты для немногихъ,
 Не для зависпчивыхъ судей,
 Не для сбирашелей убогихъ
 Чужихъ сужденій и вѣстей,
 Но для друзей таланта спрогихъ,
 Священной истины друзей.
 Не всякаго полюбишь щасье,
 Не всѣ родились для вѣнцовъ.
 Блаженъ, кто знаетъ сладоспращье
 Высокихъ мыслей и стиховъ;

Кто наслажденье прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ
 И швой воспоргъ уразумѣлъ
 Воспоргомъ пламеннымъ и яснымъ!
 Смогри, какъ пламенный поэтъ,
 Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
 На свилокъ генія склоненный,
 Читаешь повѣсть древнихъ лѣтъ!
 Онъ духомъ шамъ, въ дыму спольшій:
 Предъ нимъ волнуется толпой
 Злодѣйства, мрачной славы дѣши,
 Съ сынами доблести прямой;
 Ошъ сна воскресшими вѣками
 Онъ бродишь шайно окружёнъ
 И благодарными слезами
 Карамзину приносишь онъ
 Живой души благодаренье
 За мигъ воспорга золошой,
 За благошворное забвенье
 Безплодной суешы земной:
 И въ немъ шрепещешь вдохновенье.

XVI.

Ч*** В У.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недоспаетъ душѣ моей успалой.
 Врагу спѣснительныхъ условій и оковъ,
 Непрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блеспитъ, тогда какъ сердце дремлетъ
 И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
 Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ,
 Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
 Враговъ моихъ предавъ проклятію забвенья,
 И, съпи розорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
 Для сердца новую вкушаю пищу.
 Въ уединеніи мой своенравный геній
 Позналъ и тихій шрудъ и жажду размышленій.
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мягкою младостью упрощенные годы
 И въ просвѣщеніи спастъ съ вѣкомъ наравнѣ.

Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбнулись;

Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;

Сшаринный звукъ меня обрадовалъ: и вновь

Пою мои мечты, природу и любовь,

И дружбу вѣрную и милые предметы,

Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,

Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,

Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,

Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни

И Царскосельскія хранищельныя сѣни.

Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я

Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;

Ни музы, ни труды, ни радости досуга,

Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.

Ты былъ цѣлищемъ моихъ душевныхъ силъ;

О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвящилъ

И крапкѣй вѣкъ, уже испытанный судьбою,

И чувства, можешь быть, спасенныя тобою!

Ты сердце зналъ мое во цвѣтъ юныхъ дней;

Ты видѣлъ, какъ попомъ въ волненіи спрасшей

Я шайно изнывалъ, спрадалецъ упомленной;
 Въ минушу гибели надъ бездной пощаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая сстрогимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣшомъ иль укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь;
 Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я презираю, умѣя ненавидѣть.

. 9.

Мнѣ ль было сътовашъ о полкахъ шалуновъ,
 О лепешаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
 И сплешней разбираю игривую зашю,
 Когда гордишься могъ я дружбою швоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный пущъ;
 Печали раннія мою шѣснили грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу споической душою.
 Одно желаніе: оспанься ты со мной!
 Небесъ я не помилъ молишвою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, наспанешъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный швой привѣшъ?

Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
 И въпренной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминашь бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
 И щастливъ буду я: но только ради Бога
 Гони ты*** ошь нашего порога!

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ

(Довідник до 1-го тому)

I

Корану чену в дорозі

Корану чену в дорозі

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

Корану чену в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

Наша, не востанок в дорозі

ПОДЪЯЗНАКОУ.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ¹⁰.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

I.

Клянусь чешой и нечешой,
Клянусь мечемъ и правой башкой,
Клянуся утренней зарёй,
Клянусь вечернею молитвой¹¹:

Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ швой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обманъ ,

Спезею правды бодро слѣдуй ,

Люби сиротъ , и мой коранъ

Дрожащей швари проповѣдуй!

II.

О жены чистыя пророка!
 Опъ всѣхъ вы женъ ошличены:
 Спрашна для васъ и пѣнь порока.
 Подъ сладкой сѣнью пишины
 Живите скромно! Вамъ приспало
 Безбрачной дѣвы покрывало.
 Храните вѣрныя сердца
 Для нѣгъ законныхъ и спыдливыхъ!
 Да взоръ лукавый нечеспивыхъ
 Не узришь вашего лица!

А вы, о госпи Магомеша,
 Шекаясь къ прапезѣ его,
 Брегитесь суешами свѣша
 Смушишь пророка моего!
 Въ пареньи думъ благочеспивыхъ,
 Не любите онъ велерѣчивыхъ

И словъ нескромныхъ и пуспыхъ :

Почтите пиръ его смиреньемъ ,

И цѣломудреннымъ склоненьемъ

Его невольницъ молодыхъ ¹² !

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
 Сльпца послушавъ приближенъе 13:
 Бѣжишь, да не дерзнешъ пороку
 Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
 Тебѣ, пророкъ, не для спрошивыхъ;
 Спокойно возвѣщай коранъ,
 Не понуждая нечеспивыхъ!

Почто жь кичишся человекъ?
 За то ль, что нагъ на свѣшъ явился,
 Что дышишь онъ недолгій вѣкъ,
 Что слабъ умреть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умершвишь
И воскресишь его по волѣ?
Что съ неба дни его хранишь
И въ радостяхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его шруды
И верхоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель возшрубилъ;
На землю громъ небесный грянешъ:
И братъ опъ брата побѣжитъ
И сынъ опъ матери ошпрянешъ.

И всѣ предъ Бога пришекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечесивые падутъ,
Покрышы пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древлѣ, о Всесильный,
Могучій соспязашься мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъяша длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва Твоего:
Подъемлю солнце я съ восшока;
Съ закаша подыми его!

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падушъ на сушь и воды
И не подавяшъ насъ собой ¹⁴!

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣшишь небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣшишь хрусталь.

Творцу молишесь; Онъ могучій:
Онъ правишь въпрямь; въ знойный день
На небо насылаешь пучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомешу
Ошкрылъ сіяющій корань,
Да припечемъ и мы ко свѣсту
И да падешъ съ очей шумань.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обришыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на спѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣши пламенныхъ пуспынь!
Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекушъ : возмите насъ съ собою ,
Но вы скажите : не возмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи :
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошонули въ наслажденьи ,
Неоправляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый!

Въ пещерѣ швоей

Свяшая лампада

До ушра горишь.

Сердечной молишвой,

Пророкъ, удали

Печальныя мысли,

Лукавыя сны!

До ушра молишву

Смиренно швори;

Небесную книгу

До ушра чишай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищепою,
Не сыпь своихъ даровъ расчетливой рукою:
Щедроша полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ шучной,
О сѣятель благополучной,
Сшорицею воздася она швоимъ шрудамъ.

Но если, пожалѣвъ шрудовъ земныхъ спяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою зависпливую длань;
Знай: всѣ швои дары, подобно горсти пыльной,
Чшо съ камня моешь дождь обильной,
Исчезнушь, Господомъ опверженная дань.

IX.

И пущникъ усталый на Бога ропшаль:

Онъ жаждой томился и шѣни алкаль.

Въ пустынь блуждая при дня и при ночи,

И зноемъ и пылью стячимыя очи

Съ тоской безнадежной водиль онъ вокругъ,

И кладезь подъ пальмою видипъ онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ

И жадно холодной струей освѣжилъ

Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,

И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:

И многіе годы надъ нимъ прошекли

По волѣ Владыки небесъ и земли.

Наспаль пробуждѣнья для пупника часъ ;
 Встаешь онъ и слышишь невѣдомый гласъ :
 « Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко ? »
 И онъ отвѣчаетъ : ужь солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера ;
 Съ утра я глубоко проспаль до утра.

Но голосъ : « о пупникъ , ты долѣ спаль ;
 Взгляни : легъ ты молодъ , а старцемъ возспаль ;
 Ужъ пальма изплѣла , а кладезь холодной
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной ,
 Давно занесенный песками степей ,
 И кости бѣлюшь ослицы швоей . »

И горемъ обьяшый мгновенный старикъ ,
 Рыдая , дрожащей главою поникъ
 И странное чудо тогда совершилось :
 Минувшее въ новой красѣ оживилось ;
 Вновь зыблется пальма тѣнистой главою ;
 Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой .

И вѣхія кости ослицы вспають,
И шѣломъ одѣлись, и ревъ издають;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые воспорги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ пушь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
 Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.):
 одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les
 odes qui lui sont adressées.

3. И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses jambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait
 célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois,
 attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait
 demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de
 calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple
 du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée
 dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

5. Онъ былъ казненъ 8 термидора, ш. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

6. На роковой шлѣгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. C'étoit la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

8. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ поэтъ шепчетъ надъ философіею эпикурейцевъ. Чипашель безъ сомнѣнія не будетъ смѣшивать чистыхъ, душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственными.

9. Всѣ пропуски въ стихотвореніяхъ, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ.

10. « Нечестивые, пишеть Магометь (глава Награды), думають, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень. » Мнѣніе сихъ нечестивыхъ конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственные истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ подражаній.

Въ подлинникъ Алла вездѣ говоритъ оъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ, или третьемъ лицѣ.

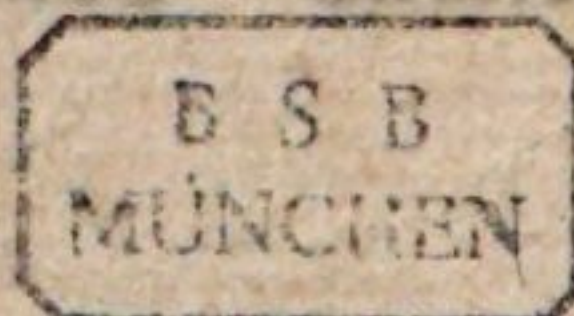
11. Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелию и порокомъ, ангелами и человекомъ и проч. Спраный сей риторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

12. «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ эшаго не скажетъ, ибо онъ весьма учивъ и скромень; но я не имѣю нужды съ вами чиниться,» и проч. Ревность Араба шакъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

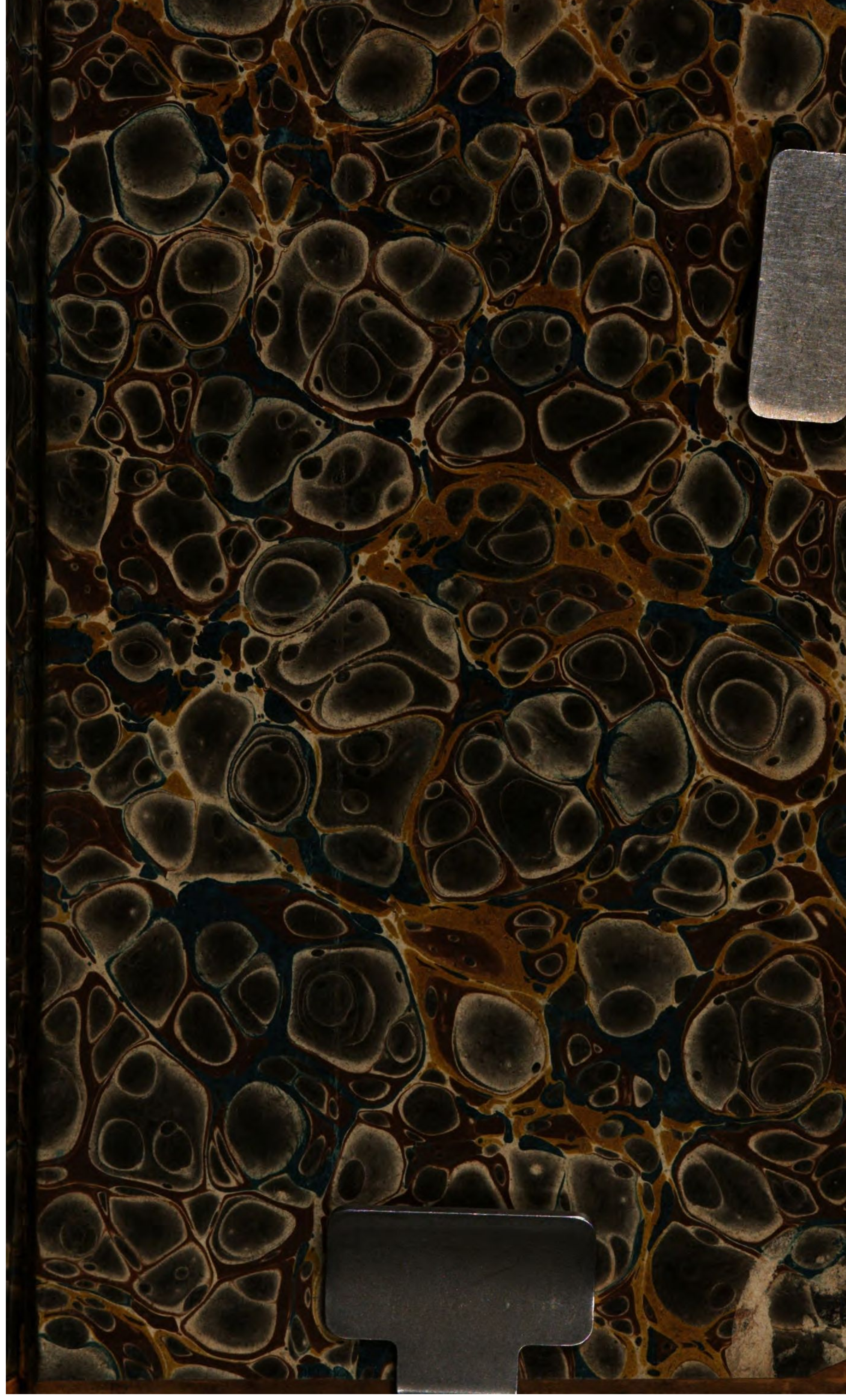
13. Изъ книги *Слѣпецъ* (Тифля). Вошь, почему слово сіе почиается у Турковъ за жесточайшую брань.

14. Плохая физика; но за то какая смѣлая поэзія!

КОНЕЦЪ.

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Stichotvorenija

Sanktpeterburg 1826

Rar. 4423

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10862246-0